

6. Токмакова, И. От переводчика / И. Токмакова // Грэм К. Ветер в ивах: Сказка / пер. с англ. И. Токмаковой. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. – С. 270–271.

7. Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.

8. Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы : учебное пособие / В. С. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : КДУ, 2004. – С. 182–201.

The article analyzes the factors influencing the process of literary translation; the signs of an animalistic fairy tale are highlighted. On the example of the Ukrainian translation of K. Graham's work «Wind in the Verbologist» the influence of the genre on the translator's choice of artistic and linguistic means is revealed; the types and functions of phraseological units are distinguished; the linguistic and cultural load of the title of the text in the language of translation is commented.

Keywords: animalistic fairy-tale, literary translation, story, translation language, phraseologism, value of translation.

УДК 811.161.1'42:398.1:808.5

В. И. Ильминская

ПОСЛОВИЦА КАК КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

Статья посвящена анализу пословиц как косвенных речевых актов и их функционированию в речи. Помимо этого, речь идет о неоднозначности толкования косвенных речевых актов в пословичной системе, что связано с несовпадением содержательных и формальных способов представления императивной семантики в пословицах.

Ключевые слова: пословица, косвенный речевой акт, коммуникативная ситуация, иллокуция, импликация.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно определения пословицы, ее языкового статуса, природы, а также значения и смысла, которые она приобретает в дискурсе. Однако все ученые отмечают, что природа пословицы крайне неоднозначна, потому что, с одной стороны, она является самой краткой литературной формой, а с другой – языковым знаком. В своем исследовании Г.Л. Пермяков приходит к выводу, что природа пословиц может быть тройственной. Он аргументирует свою точку зрения тем, что в пословицах заложены свойства единиц языка, а также литературного произведения, потому что пословицы могут представлять целые художественные миниатюры, и поскольку они выражают суждения, то в них заложены свойства единиц логики [1, с. 8].

Пословица представляет собой знак и текст одновременно. Рассматривая пословицу как текст, следует обращать внимание на цель и мотивы ее использования в других текстах. В. В. Гвоздев считает, что во время употребления образно мотивированной пословицы происходит нарушение внешнего семантического согласования с остальной частью текста [2, с. 12–13].

Следует также отметить, что пословицы представляют собой прецедентные феномены. Ю. Н. Караулов относит их к прецедентным текстам [3], а Д. Б. Гудков – к прецедентным высказываниям, за которыми кроются конкретные стереотипные ситуации [4]. Пословицы не только обозначают их и выступают знаком по отношению к ним, но и определяют их главные компоненты и характер отношений между данными компонентами, то есть моделируют конкретный фрагмент знания или опыта.

Ряд ученых, посвящающих свои научные труды исследованию функционирования пословиц в речи, пришли к выводу, что для описания значения пословицы нужно проводить ее актуализацию в контексте [5; 6; 7 и др.]. Это связано с тем, что пословицы можно по-разному интерпретировать. Однако не следует забывать, что пословицы являются языковыми единицами, сохраняющими свое значение даже без конкретной ситуации применения. Ю. И. Левин разграничивает смысл и значение пословицы, отмечая, что зачастую смысл пословицы зависит от ситуации употребления, в отличие от смысла слова. Под значением пословицы он подразумевает содержание, передаваемое с помощью метаязыка и без учета образных и языковых характеристик пословиц [8, с. 109–110].

В. В. Гвоздев выделяет два значения пословицы – конкретно-ситуативное и инвариантное. Под конкретно-ситуативным значением он подразумевает реализацию инвариантного значения пословицы в речевом акте, которое в свою очередь формируется из ряда конкретно-ситуативных значений [2, с. 4–7].

Некоторые ученые считают, что пословицы будет целесообразно относить к косвенным речевым актам. Данная точка зрения кажется нам особенно интересной в связи с тем, что речевым актом принято считать единицу языковой коммуникации, реализующуюся в определенном коммуникативно-прагматическом контексте, также у нее должны быть адресаты и авторы [9, с. 40]. Как мы помним, у пословиц нет авторов, потому что они были созданы народом и выражают собой мудрость предыдущих поколений, а еще они функционируют уже в качестве готовых единиц, из-за чего занимают промежуточное положение между предложениями и словами. В то же время они представляют собой определенные целенаправленные высказывания. Говорящий может использовать в своей речи пословицы, чтобы «более выразительно дать совет, рекомендацию, выразить похвалу, добрые пожелания, боязнь, испуг, насмешку, обиду, огорчение, предупреждение, критическое отношение к объекту или участнику речевого действия» [10, с. 122].

Говорящий осознанно подбирает языковые средства, которые собираются использовать в своем речевом акте, уделяя особое внимание ситуации общения, адресату, их взаимоотношениям, конвенциональным правилам общения и ряду других факторов [9, с. 34]. «При намеках, выпадах, иронии, метафоре и т. п., – отмечает Джон Серль, – значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся» [11, с. 195]. Порой очень сложно предугадать реакцию адресата на получаемую им информацию, поэтому говорящий может прибегать к косвенным речевым актам для выражения своих намерений. Джон Серль называет косвенными речевыми актами «предложения, которые на первый взгляд означают одно, а при восприятии интерпретируются так, будто они обозначают нечто другое» [11, с. 97]. Другими словами, под косвенным речевым актом понимается непрямой речевой акт, предполагающий имплицитное выражение истинного коммуникативного намерения говорящего. Таким образом, говорящий только намекает на предмет речи, и истинный смысл может быть выведен только из подтекста и имплицатуры дискурса. В таком ракурсе пословица также может быть рассмотрена как косвенный речевой акт.

Впервые мысль о том, что пословица представляет собой косвенный речевой акт, была высказана Н. Норриком, который отметил, что пословица является цитируемым высказыванием, а также содержит имплицатуры, поэтому дважды является косвенным речевым актом [12]. П. Грайс в своей теории косвенных речевых актов отмечает, что говорящий генерирует имплицатуры и тем самым заставляет слушающего искать дополнительные имплицации и смыслы в высказывании [13].

Е. М. Вольф пришла к выводу, что пословицы следует рассматривать как особый вид иллокутивных актов, которые вызывают у партнера по коммуникации перлокутивный эффект [14, с. 163]. Н. Норрик отмечает, что пословицы наряду с остальными косвенными речевыми актами помогают говорящему скрыть истинные чувства и помогают достичь консенсуса: истинного или мнимого [12].

В своем исследовании О. Б. Абакумова отмечает, что с точки зрения теории речевых актов пословица «является потенциальным косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [15, с. 25].

Неоднозначность толкования косвенных речевых актов в пословичной системе связана с несовпадением содержательных и формальных способов представления императивной семантики в пословицах. В косвенных речевых актах пословичного дискурса косвенный смысл паремии мотивируется буквальным значением высказывания. Зачастую во время актуализации пословицы референциальное содержание высказывания воплощает иллюкцию информирования, в то время как коммуникативное содержание выражает самые разнообразные интенции. Прагматические пресуппозиции адресанта играют важную роль в порождении и интерпретации косвенного речевого акта, давая предпосылку вариативности значения речевых актов [16].

Рассмотрим в качестве примера пословицу *Нет розы без шипов*. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона дает следующую интерпретацию данной пословицы: «(иноск.) – нет сладкого в жизни без горечи» [17]. В данной пословице содержатся следующие референциальные имплицитные содержания паремии: роза – растение с красивыми цветками, которому присуще наличие шипов => поскольку у розы шипы, то от прикосновения к ней можно пораниться => поскольку у красивых роз есть шипы, то и у всего прекрасного есть негативные стороны. Таким образом, прагматический смысл этой пословицы может сводиться к предупреждению, что в жизни человека будут ожидать испытания, какой бы замечательной она ни была.

Обратимся теперь к пословице *A cracked bell can never sound well*. Ее эквивалентом в русском языке является пословица *На леченой кобыле далеко не уедешь; Надсаженный конь, надломленный лук да замиренный друг равно ненадежны* [18]. Главная функция колокола – звонить исправно, чтобы его было слышно далеко и четко, у кобылы тоже есть свои функции, например, возить телегу с припасами или таскать плуг. Если колокол треснул, то его звук уже не может быть чистым и при дальнейшем использовании трещина только станет больше, и вскоре он станет непригодным к использованию. Аналогичная ситуация и с кобылой: если она утратила бывшее здоровье, то уже не сможет выполнять прежний объем работ и, скорее всего, умрет, если продолжить эксплуатировать ее. Как мы видим, в обеих пословицах смысл сводится к тому, что отслужившие вещи стоит оставить в покое, потому что бывшего доверия они уже не оправдают.

Тема доверия и осторожность с ним очень часто показывается на примерах с чем-то разрушенным и разбитым. В качестве примера можно привести пословицу *A broken friendship may be soldered, but will never be sound*. Данная пословица по своей структуре и смыслу схожа с рассмотренными выше, так как нас здесь тоже предупреждают о ненадежности такой дружбы. Даже если друзья помирились после сильной ссоры, их отношения все равно не будут прежними. С другой стороны, это может быть предупреждением о том, что дружба – крайне ценная и хрупкая вещь, поэтому следует быть осторожным, чтобы не разрушить ее: *Дружба, что стекло: ломаешь – не починишь; Нет, оставьте: что раз поломано, того не исправнись* (Б. М. Маркевич. Чад жизни).

Не менее часто пословицы используются, когда говорящий пытается указать на некомпетентность или неумение другого человека, но при этом избежать открытой критики: *A bad workman blames his tools; A bad workman quarrels with his tools; Мастер глуп – нож туп; У плохого мастера и пила плоха*. Говорящий использует пословицу в качестве косвенного речевого акта и тем самым может обезопасить себя от негативной реакции адресата, потому что он не сказал напрямую, что считает его неумелым, а просто процитировал народную мудрость, которая советует не перекладывать вину на вещи, что используешь в своей работе.

Значимость пословиц обуславливается не только их текстом и смыслом, но и адекватным их выбором в момент речевого акта и корректным использованием в конкретном коммуникативно-прагматическом пространстве.

1) – *Не обращай ты внимания, Юра. Новая метла, чего ж ты хочешь. Это болезнь первого периода нахождения в должности* (А. Маринина. «Мужские игры»);

2) – *Новая метла чисто метет, – вспоминал Самгин, направляясь домой, и давал волю мыслям, наивность которых была ему понятна* (Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона дает следующее толкование устойчивого выражения: «(иноск.) – первое время начальники круты (о новой прислуге)» [17]. Стоит обратить внимание на первый пример: после утреннего разбора полетов, где новый начальник прилюдно сделал выговор Юрию за то, что тот плохо работает и только и делает, что ходит по девушкам во время работы, последний приходит к своей коллеге Насте и начинает жаловаться, что произошедшее было несправедливостью, потому что считает, что его отношения никак не влияют на работу. Герой очень эмоционально негодует по этому поводу, на что коллега говорит, что нужно просто перетерпеть с полгода, а там начальник и поутихнет. Данная пословица сложилась в народе именно о новых начальниках, которые стремятся переделать старые порядки на новые лад. Из контекста видно, что Юрий отрицательно реагирует на новые порядки, и он пришел к коллеге, чтобы поделиться своими мыслями, потому что ее назвали одной из его «подружек». Настя вспоминает эту пословицу, которая идеально отражает сложившуюся ситуацию в коллективе. Она советует переждать, потому что у пословицы есть продолжение *...а сломается – под лавкой валяется* [17], то есть народная мудрость говорит о том, что новый начальник недолго будет самодурствовать.

Второй пример взят из повести Максима Горького, которая касается исторических событий Российской империи, закончившихся революцией. Клим Иванович Самгин наблюдает за растущим из-за недостатка продовольствия недовольством рабочих, что выливается в забастовки, обсуждает возможность дворцового переворота и после событий 14 февраля ждет «решающего боя», верит, что впереди его ожидает другая жизнь, более достойная. Вспоминая в разговоре с самим собой пословицу про новую метлу, Самгин думает о новом будущем, которое принесет с собой новая власть, потому что, как известно, новые начальники стремятся всё сделать по-новому. В отличие от Юрия, которого устраивают старые порядки, а новые – нет, Клим Иванович желает их, потому что старые порядки ему не нравятся. Юрий и Самгин живут разными жизнями и в разных мирах, из-за чего их реакция на изменения разнится, как и разнится вкладываемый ими в пословицу смысл.

Таким образом, пословица может рассматриваться как косвенный речевой акт, потому что говорящий использует косвенные речевые акты, когда не хочет сообщать напрямую о своих намерениях, которые могут быть выведены только из подтекста и имплицатуры дискурса. Косвенные речевые акты занимают особое место в пословичной системе из-за неоднозначности интерпретации пословиц, что связано с несовпадением содержательных и формальных способов представления императивной семантики в пословицах.

Список использованных источников

1. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 271 с.
2. Гвоздев, В. В. Место пословиц как структурно семантических образований в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Гвоздев. – М., 1983. – 15 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

4. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 152 с.
5. Yankah, K. Do proverbs contradict? / K. Yankah // *Wise words: Essays on the proverb*. – New York : Garland Publishing, 1994. – P. 127–142.
6. Grzybek, R. Foundations of semiotic proverb study / R. Grzybek // *Wise words: Essays on the proverb*. – New York : Garland Publishing, 1994. – P. 31–71.
7. Гжибек, П. Пословица и ее ситуации: от определения к классификации / П. Гжибек // *Живая старина*. – № 4. – М., 2009. – С. 51–54.
8. Левин, Ю. И. Провербиальное пространство / Ю. И. Левин // *Паремиологические исследования : сб. статей*. – М. : Наука, 1984. – С. 108–126.
9. Сусов, И. П. Введение в языкознание : учеб. для студентов лингвистических и филол. специальностей / И. П. Сусов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 379 с.
10. Рапопорт, Н. В. Пословицы и поговорки в обучении иностранным языкам / Н. В. Рапопорт // *Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания языков в вузе : материалы междунар. науч.-метод. конф. памяти М. П. Петрова, Уфа, 16–18 окт. 2008 г.* / Башкирский ГАУ ; редкол.: О. Н. Новикова [и др.]. – Уфа, 2008. – С. 121–123.
11. Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. – М. : Прогресс, 1986. – 424 с.
12. Norrick, N. R. Proverbial Perlocutions. Ho to do things with proverbs / N. R. Norrick // *Wise Words. Essays on the proverb* / ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 211–252.
13. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // *Syntax and semantics 3*. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41–58.
14. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 232 с.
15. Абакумова, О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / О. Б. Абакумова ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2013. – 46 с.
16. Шатуновский, И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла / И. Б. Шатуновский // *Семантика и прагматика языковых единиц*. – Калуга, 2004. – С. 262–274.
17. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. – ETS Publishing house, 2004. – 2208 с.
18. Англо-русский словарь цитат, пословиц, поговорок и идиом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://eng-rus-aphorisms-dict.slovaronline.com>. – Дата доступа : 21.10.2020.

The article is devoted to the analysis of proverbs as indirect speech acts and their functioning in speech. It is also devoted to the indirect speech acts and their ambiguity of interpretation in the proverbial system, which is caused by the discrepancy between the content and formal ways of representing imperative semantics in proverbs.

Keywords: proverb, indirect speech act, communicative situation, illocution, implication.

УДК 811.161.3'42:373.6:398.92

І. У. Каліта

ДА ПЫТАННЯ ЭТЫМАЛОГІІ ФРАЗЕАЛАГІЗМА НАПІЦЦА ЯК БЭЛЯ

Артыкул прысвечаны аналізу фразеалагізма “п’яны / напіцца як Бэля / бэля” – агульнай спадчыны палякаў, беларусаў і ўкраінцаў. Існуючыя ў беларускім мовазнаўстве гіпотэзы разглядаюцца на фоне польскіх крыніц і з ўлікам інфармацыі, змешчанай у слоўніку Г. Ількевіча “Галіцкіі прыповядкі і загадкі” (1841). Разгледжаны матэрыял дазваляе па-рознаму інтэрпрэтаваць значэнне кампанента-назоўніка – як уласнае імя і як назву прадмета. Фразеалагізм польскага паходжання прайшоў доўгі шлях адаптацыі беларускай і ўкраінскай мовамі, у выніку якога ўласнае імя забылася і ператварылася ў слова з неканкрэтным значэннем.

Ключавыя словы: кампаратыўная фразеалогія, фразеалагізм, беларускі, украінскі, польскі, “п’яны / напіцца як Бэля / бэля”.